

8412 Рос = Рус) 6 КР

Ш 16

Зоя Шадрина

A photograph of a dense evergreen forest, likely a spruce or fir forest, with a path leading to a body of water. The trees are dark green and densely packed. The path is light-colored and leads from the foreground towards the water. The water is dark and reflects the sky. The overall scene is serene and natural.

На грани ВЕКОВ

ЧАСТЬ - 1

Милосердие

*Не вознесись в своей гордыне
Над братом, созданным Творцом.
Знай, что от века и поныне
Венчаем Хитрость с Мудрецом,
Корысть и Зависть с Подлецом,
А заблудившийся в пустыне,
В безлюдном мире и унынье
Уснёт под солнечным венцом...*

Гордеевы

129561—
Илья Гордеев погиб нелепо. Он шёл с обозом по зимнику с товаром в Шадринск. Везли зерно, мясо, тканьину из льна и всякую мелочёвку. Путь неблизкий, не меньше двух ^{дней} дней-ночей в дороге. Предупреждал Филимон, самый старший из обозников: «Мужики, остаться бы до утра на постоялом. Кости ломит, да и сиверко-тягун песню завёл. Худа бы не было».

Сиверко-тягун — так называли низовой северный ветер. Он не сразу начинал своё разбойное дело: шёл по самой земле, набирая скорость, срывал сугробы, закручивал в воздухе снежные вензеля. Вьюга хохотала надсадно, в трёх шагах не было видно белого света.

Такую погоду люди переживали в избах. Плохо проконопаченные избёнки-пятистенки почти сразу отдавали своё тепло, и люди жались друг к другу на никогда не остывающих кирпичах русской печи.

Старики рассказывали сказки внукам, чтобы умерить страх перед непогодой. Плотная закрытая заслонка гудела от ударов вьюги-озорницы, в дымоходе вздыхала, охала и стонала метелица. Малыши затихали, плотно прижимались к взрослым, которые тоже робели, но бодрились: на то они и взрослые, чтобы быть примером для младших.

После разбойного нашествия сиверко угомонялся: то ли силу терял, то ли дальше спешил покуражиться над всем живым. Он загонял в укрытие не только людей и домашний скот, но и лесная божья тварь искала убежище, затихала в норках. За диким воем метели наступала оглушительная тишина. Воздух густел, казался осязаемым и чуть позванивал, как

хрустальные подвески в люстре. Лёд на озёрах трещал, дыбился и ухал, оседая. Его гладь кривилась трещинами, топорщилась наледями.

Зимняя дорога по озеру становилась небезопасной. Проруби смерзались толстым, прозрачным льдом, их заново приходилось рубить и пробивать топорами и пешнёй. Просто так, открытым ртом, дышать было невозможно, и пешеход следил, чтобы нос, щёки и лоб не прихватило морозом.

Вот и тогда сиверко ещё был на подходе, а старые кости уже учуяли беду. Мужики постарше призадумались было, но молодёжь настояла на своём, подняла Филимона на смех, мол, лежал бы у бабы под боком на печи. Жалко было тратиться на корм лошадям, да и раз поехали – значит поехали, компанией не пропадём. Ветер только набирал силу. Как всегда, понадеялись на русское «авось»: проскочим.

Илья замыкал обоз. Ехали ходко, торопились засветло въехать на постоянный двор в шадринских торговых рядах. На мосточке через малую протоку конь Ильи проломил копытом полусгнившую доску и чуть не сломал ногу. Илья соскочил с саней, попытался окликнуть обозников, но ветер навстречу отнёс его крики. Скинул тулуп, сам стал освобождать коня из ловушки. Вспотевшую спину сковал, заморозил недремлющий сиверко.

Когда обозники обнаружили, что последней подводы нет, кинулись на выручку, но было поздно. Вьюга разыгралась не на шутку. Привезли Илью Гордеева в город в горячке и бреду. Он умер, не приходя в сознание, метался и звал Дуняшу, молодую свою жену. Помнил ли он в свой последний час об Авдеюшке, сыночке своём? Кто знает?

Перед самым концом пришёл в себя, вскинулся, словно осознал и испугался осознанного, что-то хотел сказать, но сил не было. С тем и отошёл в мир иной.

Гордеевы жили средне. Матрёна, мать Ильи, тоже рано овдовела, и сынок Илюшенька был единственной радостью и утешением. Муж Матрёны, Савелий, ушёл с ополченцами на Отечественную войну 1812 года и не вернулся. То ли в Бородинском сражении погиб, то ли в Московских пожарищах сгинул. Сыну Илюше тогда только за десять перевалило, ровесником века девятнадцатого стал сын Матрёны и Савелия.

Женила Матрёна Илюшеньку, сыночка единственного, невестку в дом с радостью приняла, Дунюшкой называла, внуку Авдеюшке рада была. Всю любовь свою ему отдавала. Судьба словно по спирали пошла. Вот и сын Илья не стал старше отца своего Савелия, и невестка вдовство в молодости приняла. Повторялась жизнь Матрёны теперь в судьбе Дуняши.

Не налюбилась Дунюшка, только в бабью пору входить начала, как овдовела. Уставившись в темноту ночи неморгающим взглядом, спра-

шивала: «За что, Господи!? Может, за то, что не умела скрывать радости своей? Что Илеюшку любила больше жизни? Зачем теперь живу, когда нет его? Прости, Господи, досаду мою». Не всегда Дуня могла справиться с тоской и срывалась, шумела на Авдеюшку, сыночка своего.

Матрёна понимала невестку, не корила за несдержанность, словно принимала на себя вину за сына, что так рано покинул своих любимых. Она совала внуку в руки корзинку: «Сходи, Авдеюшка, в огуречник, собери там, что Бог послал, – тихо на ушко шептала: – за баней в малинике попасись, да горох сахарный поспел. Не торопись домой, пусть матушка твоя сердцем отойдёт, она у нас славная, а мы с тобой не всегда послушные». Авдеюшке шёл восьмой годок.

Широкие сочные стручки сахарного гороха без твёрдых прожилок съедались вместе с горошинами. Бобы, посаженные вокруг морковных гряд, тоже считались лакомством, но срывать боб надо, пока он не почернел, зелёным, значит, ещё сочным и сладким. Да и ранней морковкой похрустеть одно удовольствие.

Огородом Матрёна гордилась и дело своё знала. Всё в её владении росло и созревало. Где брала такие семена, что не у каждого были? Может, не зная слова «селекция», занималась этой наукой по наитию души. Семенами с соседями делилась, но всё равно её огород всегда чем-то удивлял.

Беда не приходит одна. Авдейке Гордееву исполнилось десять лет, когда страшная эпидемия тифа прокатилась по уральским селениям. Она шагала причудливыми тропками, но деревня, попавшая под её бешеный взгляд, вымирала до основания. Под Шадринском разбили военный госпиталь, куда свозили ещё не умерших, но и там выживали единицы.

Дуняша металась в жару на узкой лазаретной койке, звала Илеюшку. Так называла она мужа, когда прижималась к нему под пологом супружеского ложа. Не сразу познала она сладкую бабью любовь. Русская женщина в основе своей застенчива от рождения и воспитания. Так и Дуняша долго не могла расстаться со своей просторной домотканой рубахой. Даже свидетельство своей непорочности запечатлела на её подоле.

Летом молодые спали в просторном чулане. В избе жарко: русскую печь в деревне топят зимой и летом. В чулане прохладно и уединённо. Дуня распускала волосы: целый день под платком; голова просила отдыха. Замужняя женщина только и могла себе позволить, что перед мужем голову открыть. Ещё в девках мать научила её полоскать волосы настоем из дурманных трав.

Илья пьянел от духмяного шёлка разметавшихся по плечам волос, перебирал в руках, вдыхал аромат лесных трав и цветов, который запом-

нил ещё тогда, когда отплясывал с Дуняшкой кадрили на вечерках, когда в ответ на влюблённый взгляд парня зарделись девичьи щёчки, а глаза блеснули лукаво из-под ресниц, давая надежду на взаимность.

Теперь, оставшись с Дуней наедине в чулане, Илья нежно, но настойчиво стянул с неё ночной балахон, прижался волосатой кудрявой грудью к её нежным, ещё не материнским соскам, и ушёл свет из глаз, закипела кровь. Не слышали, как закричал петух, как прошла Матрёна сторожким шагом через сени во двор доить корову.

Проспали молодые утреннюю работу, а Матрёна, не забывшая себя в их пору, накрывала на стол. Только по счастливому блеску глаз да виноватой улыбке можно было догадаться, как нежно замирала душа от телесной истомы, которая будет жить в молодых ожиданием новой радости.

В такую ночь и зачали они первенца своего Авдеюшку. Но даже томление плоти, ждавшей мужских ласк, не могло побороть в женщине чувство стыда. Она считала грехом страстное нетерпение тела, боялась показаться похотливой, удерживала в себе ответные порывы, и в этом тоже была своя прелесть. Илье каждый раз приходилось преодолевать стыдливое сопротивление жены. Его усилия вознаграждались. Дуняша, постанывая в жарких объятиях мужа, шептала: «Илеюшка, сладко-то как, голубь ты мой».

Может, в том и заложена была мудрость и прелесть интимных отношений, и крестьянская натура природным чутьём понимала: нельзя преступать черту, за которой вседозволенность переходила в бесстыдство, в извращённость, в обычное похабство.

Может, недаром отвергалась девица, которая до свадьбы не умела сохранить своей чистоты: это значило, что похотлива и ненадёжна она в семейной жизни. Всё, что заложено природой и вековым воспитанием, нельзя отвергать в угоду моде.

Нельзя всерьёз принимать надменную усмешку юнца, получившего первый урок в борделе, вообразившего себя знатоком любовных таинств, его можно лишь пожалеть. Дай Бог, чтобы и он познал однажды, что женская врождённая застенчивость позволяет мужчине быть нежным, почувствовать свою главенствующую роль в любовной игре, насладиться таинством общения и получить в награду от любимой стон признания.

В смертный свой час, когда отошли земные боли последние, в ярком свете вдруг увидела Дуня ласковые глаза, губы над шелковистой кудрявой бородкой и протянутые к ней руки мужа. Выдохнула-прошептала пересохшими, потрескавшимися от жара губами: «Ну вот и свиделись мы с тобой, Илеюшка, больше уж не расстанемся». С этими словами и

отошла Дунюшка в мир иной. Помнила ли она о сыночке или желание свидеться с Илеюшкой затмило память о кровиночке единой?

Зато Матрёна в бреду и в минуты просветления молила пресвятую Деву Марию заступиться за внука, единственную ниточку её рода Гордеевых, просила не оставить его без защиты и покровительства. Она уповала на материнское сердоболие Богородицы: «Тебе ли не знать, как болит сердце за чадо несмышлёное. В чём вина его перед сыном Твоим? Пусть познает Авдеюшка радости и горести земные. Спаси, сохрани и помилуй внука моего единственного, огради от лихих людей, пожалей сироту горемычную».

Как выжил Авдейка Гордеев – сам Бог только знает. В его кармашке нашли адрес купца Тимофея Ирюпина. Пожилой санитар отыскал адресата, и пошла-побежала по новой тропинке чуть не прервавшаяся было жизнь аль судьбинушка паренька из деревни Гордеевки, которую образовали на уральской земле когда-то давно его предки.

Дальней родней Матрёне Гордеевой приходилась Серафима Замятина, а теперь жена Тимофея Ирюпина. Пожалуй, давно оборвались их кровные связи, остались только дружеские, да и те, из-за удалённости их семейных гнёзд, лишь хранились в памяти тёплым лучиком былых откровений.

На то и былая дружба, на то и добрая память, чтобы жить в людских сердцах надеждой на спасение. В свой роковой час Матрёна вручила подруге судьбу своего единственного внука, хранителя фамилии Гордеевых.

Надеялась ли Матрёна, что клочок бумаги, с нацарапанным на нём полуграмотной рукой адресом, станет для Авдеюшки спасением или, уповая на провидение, верила, что Господь не оставит в беде внука, а Дева Мария заступится за невинного перед справедливым сыном своим? Господь сохранил Авдея, может, заступилась за него и Дева Мария. Записка, найденная в кармане мальчика, сыграла свою роль.

Ирюпины

Тимофей Ирюпин получил от отца добротный дом с обширным подворьем, небольшой денежный надел и начал, а вернее, продолжил отцовское дело. Он расширил скобяную лавку и стал укреплять своё положение в купеческой среде.

Женившись на статной деревенской красавице, Тимофей надеялся на то, что Серафима подарит ему наследников и помощников в делах. Сима родила Тимофею сына-наследника Дмитрия. Через два года у Ирюпи-

ных родилась дочь, но умерла ещё в младенчестве. Вторая дочь тоже прожила чуть дольше первой. Родители загоревали, но вслух роптать боялись. На всё воля Бога. Бог дал, Бог и взял. Через три года после второй дочери Серафима родила ещё девочку.

Дышать боялись над малышкой, назвали Авдотьей. Она появилась на свет в 1831 году, когда за Каменным Поясом, в европейской России ещё не затихла эпидемия холеры. Люди умирали от болезни и голода, шли на улицы с протестами.

Авдотьюшке четыре года минуло, когда Дмитрия отправили в Екатеринбург для учёбы в гимназии. Двенадцатилетний мальчик был смыслёным, тянулся к знаниям и почти не интересовался делами отца. В Екатеринбурге жил Петр Ирюпин, старший брата Тимофея, он и принял племянника в свой дом.

Одно время Тимофей с женой подумывали и сами перебраться к брату в большой город, чтобы сын учился под присмотром родителей, но дела купеческие шли неплохо, срываться с насиженного места всегда не с руки, страшновато, да и сын жил у самых близких родственников, свои дети у которых уже разлетелись из родного гнезда.

Авдейку Гордеева принесли к Ирюпиным на руках. Десятилетний мальчуган почти не имел веса, был слаб. Врач заверил Тимофея и Серафиму, что болезнь отступила и ребёнок не опасен, но нуждается в усиленном питании и уходе.

И всё же Ирюпины рисковать жизнью дочери не стали: слишком долго ждали они, чтобы в их доме поселилась радость, расцвела цветочком аленьким их Авдотьюшка ненаглядная. Не забылся страх от эпидемии в Европе, а теперь тиф совсем рядом. Не знаешь, откуда ждать беды.

Авдейку отдали под присмотр бездетной, уже немолодой супружеской четы, что жила в избёнке на задворках купеческой усадьбы. Были ли Иван с Марьей седьмой водой на киселе для Ирюпиных или приبلудились, да так и остались тут навсегда? Вряд ли кто знал об этом. Пожалуй, никто не знал и фамилии добрых, почти бессловесных стариков. Знал ли кто Ивана и Марью в молодости? Казалось, они жили тут всегда, помогали по дому, по хозяйству: всегда под рукой, никогда ни на что не жаловались.

Старики обрадовались нечаянной прибыли, ходили за Авдеюшкой, как за нежданно-негаданно появившимся сыночком. Глаза стариков лучились доброй улыбкой, казалось, счастье залетело в их одинокое гнездышко. По теплу Иван выносил Авдейку на завалинку с безветренной стороны. Чтобы сынок не простыл, кутал ножки в валеночки, тёплый Марьин платок укрывал мальчишку с макушки до пояса.

Однажды к завалинке подошла нарядно одетая девочка лет пяти. Её серо-голубые глазки смотрели с любопытством на подростка, так смешно одетого. Наклонила головку к плечу, спросила: «Ты кто? Зачем валенки надел?» Парнишка ответил: «После болезни я. А зовут меня Авдейкой». Девочка бурно запротестовала: «Нет! Это я Авдотка! Зачем обманываешь?»

Марья, слышавшая разговор, успокоила девочку: «Тебя Авдотьей зовут, а его Авдеем. Охти-мне! – всплеснула руками, засияла всеми морщинками лица: – А ить имена-то у вас, детушки, одинаковые! Неужто знамение какое? Это просто так не бывает! – воскликнула почти шёпотом, опомнилась, взяла Авдотьюшку за ручку, повела к дому, приговаривая: – Это как же матушка тебя проглядела, далеко от крылечка отпустила?».

С того дня Авдотка (как она себя сама называла) стала приходить к завалинке Ивановой да Марьиной избёнки. Авдейка скоро снял валенки и Марьину шаль. Его наголо остриженная в лазарете голова обрастала тёмно-русыми волосами, карие глаза светились навстречу девочке. Коса у Авдотки была белая и пушистая, как лён. Авдейка коснулся её волос, и печаль сжала его сердце.

Он вспомнил маменьку, а пуще бабушку Матрёну, которой помогал мять, теребить и чесать лён. Пучок льна получался мягким, шелковистым, длинным и белым, совсем как Авдоткина коса. Потом лён пряли, а потом Матрёна садилась за ручной ткацкий станок, гоняла челнок туда-сюда. Ловкие руки делали своё дело красиво и, казалось, без усталости.

Вскоре Авдейка стал помогать Ивану и Марье по хозяйству. Ивану в конюшне поможет навоз убрать, Марье в огороде траву прополет, во дворе всё на свои места расставит. Авдотка так привязалась к Авдею, что, вопреки маменькиному недовольству, ходила за ним по пятам, щебетала что-то на своём, ещё не всякому понятном языке, ему первому хвалилась новой куклой или туфельками, что тятенька подарил.

Да и Авдейка был рад дружбе с девочкой, может, потому, что она сама тянулась к нему, может, потому, что рядом не было его деревенских друзей-товарищей. Он понимал в её лепете то, что взрослые понять не могли. Она была ему и подружкой, и младшей сестрёнкой. Авдейка сажал Авдотку себе на спину, и они шумно бегали по двору, находили в огороде то, чем можно было полакомиться.

Сима вначале горестно вздыхала, наблюдая, как резвятся дети, а потом поняла, что дочь под надёжной защитой и присмотром внука её былой подруги, и как-то постепенно успокоилась материнская душа.

Тимофею нравилась расторопность паренька, которого не сразу принял, напуганный страшной эпидемией. Теперь предложил жене забрать

сироту в свой дом. Серафима не возражала, да Иван с Марьей в ноги кинулись: «Оставьте Авдеюшку у нас. Привыкли мы к нему, у нас ему свободнее будет жить». Да и Авдейка привязался к добрым старикам. Образ бабушки Матрёны всё чаще переплетался в его памяти с обликом Марьи.

Ирюпины парнишку старикам оставили, но в школу определили. Там, в Гордеевке, Авдейка научился читать по слогам, писал печатными буквами. Деревенских ребятишек учила грамоте матушка Ефросинья. В деревеньке церкви не было, и добрая женщина объезжала свой приход с благой целью – посеять азы просвещения в головках крестьянских детей, иногда очень даровитых. Матрёна гордилась внуком, называла грамотеем, это он под её диктовку вывел на бумажке адрес Ирюпиных.

В настоящую школу Авдейка пошёл с робостью. В деревне его сверстники всю впрягались в работу, ученье считали баловством, да и тут он, наверное, окажется старше всех. Но в школе собрали целый класс таких переростков, и он успокоился. Учился Авдей Гордеев старательно и к учению данные имел. Примерно так высказался учитель начальной школы, выдавая Ирюпиным табель успеваемости их подопечного.

С весны и до осени работал Авдейка в лавке Тимофея Ирюпина. Начал с того, что открывал и закрывал двери за знатными покупателями. Улыбчивое, открытое лицо паренька, стоявшего у входа, привлекало своим простодушием покупателей. Просторная вышитая рубаха, яловые сапоги, картуз, надетый набекрень, с пышным чубом густых тёмно-русых волос, торчащим из-под козырька – образ зазывалы в купеческих лавках, – вызывал ответную улыбку прохожих. Но взгляд карих, совсем не детских по глубине и уму глаз, заставлял забыть о слегка комическом образе мальчика на побегушках.

Вскоре Авдейка стал подручным приказчика, так называли ответственных продавцов в купеческих лавках-магазинах. Его уважали за расторопность, умение ненавязчиво показать товар его лучшей стороной.

В свободное время Авдейка любил читать. Он брал книги в доме Ирюпиных и читал вслух, а слушателями были Иван с Марьей и Авдотка. Иногда в дом стариков забегала Серафима, чтобы послушать Авдея и забрать засидевшуюся в гостях дочь.

Весной над крышей одинарной избушки Ивана и Марьи расцветала пышным цветом черёмуха. Дурманый её запах заполнял купеческий двор, заглушая запахи конюшни и скотного двора. Летом Авдейка и Авдотка взбирались на корявые, толстые черёмуховые сучья, обсасывали сладкую, вязущую мякоть с черёмуховых косточек и выстреливали костяшками по курицам. Петух негодуяще задирает гребень, возмущённо роптал на петушином языке. Но попадало и ему. Тогда он подпрыгивал,

казалось, вот-вот и загремит шпорами, как гусар, негодовал ещё больше и уводил свой гарем подальше от охальников, давая понять окружающим: «Что с них возьмёшь? Совсем дети! Расшалились!».

А шалуны под самой крышей Ивановой с Марьей избёнки хохотали над бегством петуха и его клушами и озорничали ещё больше. Петух был прав – что возьмёшь с детей? Детство надо пережить, и чем оно радостнее, тем счастливее будет зрелость, тем спокойнее станет старость.

Дмитрий приезжал домой на летние каникулы, но ему было скучно в этой «глухомани», он тоскливо бродил по двору, а дней через десять не выдерживал и просил маменьку уговорить отца отпустить его обратно в город. Серафима плакала, понимая, что сын отдаляется от родителей, что прежняя сердечная привязанность перерастает в формальную необходимость общения сына с его близкими. Но что поделаешь?

В один из дней пребывания дома Митенька заметил, что сестрёнка охотнее общается с Авдейкой, чем с ним, уронил полушутливо: «Смотрите, родители, как бы эта сирота казанская у вас дочь не увела. Уж больно он вьётся около Авдотьи, да и она к нему благоволит».

Почему-то с первого же взгляда Дмитрий невлюбил Авдея Гордеева. Не всегда можно объяснить себе симпатию или антипатию к другому человеку. Может, ревность проснулась? Митя видел и слышал, как все кругом смотрели и говорили о приёмыше только ласковые слова, и чувствовал себя обойдённым.

Даже Иван с Марьей раньше расплывались в улыбках при одном его появлении, теперь дарили свою нежность Авдейке. Митя был старше Авдея года на полтора-два всего-то, но ведь он был хозяином в этом доме (хотя и наследным), а кто этот, которого здесь почему-то любят?

Авдей закончил начальную школу с похвальной грамотой, работал у Тимофея Ирюпина младшим приказчиком, всё так же жил со стариками, которые в последнее время стали чаще прихварывать. Всё так же много и вслух читал. Он выправлялся в статного юношу. Авдотке шёл тринадцатый год. Однажды, помогая девчонке спрыгнуть с черёмуховой ветки, Авдейка оступися, но поймал её, спешно и неуклюже прижал к себе, не устоял на ногах, и оба повалились на траву под черёмухой.

Будто и не случилось ничего особенного. Им и раньше приходилось падать вместе и порознь. Тогда они хохотали, отряхивали прилипшую траву, иногда считали мелкие ссадины и забывали о курьёзе.

Но в этот раз они оба почему-то засмутились. Дрогнули руки, трепетно застучали сердечки, когда Авдейка помог Авдотке подняться с травы. Глянула отроковица на вьюношу из-под пушистых ресниц, и щёчки почему-то заалели. Авдейка потушил блеск в глазах, отпустив Авдоткину

руку. Что случилось? Понимали ли эти двое отчётливо, или только природа предупредила их о том, что кончилось беззаботное детство.

В Кургане открыли на купеческие средства специальную школу для обучения приказчиков торговому делу. Тимофей Ирюпин послал на учёбу и Авдея. Видно, уже тогда понял, что умный и грамотный помощник ему необходим. Сборы были недолгими. Собрали Марья и Серафима парню котомку с переменной белья, чистые рубахи да всякую мелочь, необходимую для быта.

Уезжал Авдей на полтора года. Никаких каникул ему не полагалось. На крылечке стояла Авдотка, закусив зубками платочек. Ещё совсем недавно она кинулась бы к Авдейке, повисла на шее и по-детски возмутилась тем, что её товарищ по играм уезжает, да ещё и так надолго. Но почему-то отяжелели ноги, руки прижались к груди, в которой прыгало и неровно билось сердечко, а глаза готовы были наполниться влагой, которую она едва сдерживала вместе с криком, рвущимся из глубины души.

Такой и запомнилась она Авдейке, у которого тоже ныло сердце при воспоминании о подруге детства. Он боялся своих чувств и мыслей. Кто такой он, Авдей Гордеев? Сирота, которого приютил из сострадания купец Тимофей Ирюпин.

Разве пара он купеческой дочери? Да у неё женихов из своего сословия будет пруд пруди. Да ещё красавица, каких поискать. Разве позволит себе Авдей просить руки Авдотьюшки? От этих мыслей сердце начинало тоскливо сжиматься. Пытался отмахнуться от горьких мыслей, мол, рано думать о таком, но не шла из головы льняная коса, серо-голубые глаза, да звенел в ушах серебристый колокольчик девичьего смеха.

Не радуйся – нашёл, не тужи – потерял

А ещё провожали Авдея Иван с Марьей, судьбой данные ему радетели. Иван шаркал ногами по земле, болели они у него и плохо гнулись. Да и Марья заметно сдала. Авдейка называл её тётонькой Марьей: так говорили в его Гордеевке. Слово «тётонька» он выговаривал с особой теплотой, оно грело душу доброй женщины, которая на склоне лет обрела сыночка, данного ей Богом и судьбой, даже если он и называл её тётонькой. Уральский народ букву «о» выговаривает тщательно, а букву «а», которой завершаются многие слова, выговаривает, как «я». Вот и получается: мамонька, тётонька, Васька и Манька. И трудно от этого деревенского говора перейти на правильный «городской». Человек долго смущается, ломая привычные «о и я» на «а», да и освоив «городскую» речь, страдает от душевного дискомфорта, будто предал самого себя.

Однажды Авдейка потерял грошик, что дала ему Марья на прянички. Мальчишка расстроился до слёз, а Марьюшка прижала сыночка к груди и почти весело сказала: «Не радуйся – нашёл, не тужи – потерял». До Авдейки не сразу дошёл смысл сказанного. Но вот распахнулись его ещё мокрые глаза, увидели смеющееся лицо тётонки Марьи, а та уже объясняла: «Ну потерял ты грошик, ну не съел сладкого пряничка – так что с того? Может, грошик твой голодного хлебушком накормил, а он через Бога перед тобой повинился и благодарение передал. Ведь что он, голодный-то, которого ты накормил, скажет? Слава Тебе, Господи, что бросил под ноги нуждающемуся денежку, накормил меня и напоил, не дал пропасть в минуту трудную. Пусть простит меня тот, кто грошик этот потерял. А Господь-то наш всё видит и знает. Если ты будешь убиваться по потере своей, значит, жадный и недобрый ты человек».

Марья говорила ровным ласковым голосом, чуть призадумалась, а Авдейка уже спрашивал: «Ну ладно, понял я, почему о потере тужить не надо, а почему радоваться найденному не надо?». Марья сняла с себя задумчивость, продолжила: «Ну, это ещё проще. Вдруг найденная тобой копеечка или что-то ценное – последняя надежда быть сытому в тот день у того, кто это потерял? А ты, возрадовавшись находке, которую ипустишь-то на безделицу какую, оставил человека в беде. Радоваться чужому горю – великий грех. Конечно, если эта находка не выручит тебя из беды, то лучше отдать её тому, кто в ту минуту нуждается в помощи и сочувствии. А сказать надо: прими, мил человек, помощь Богом посланную. И зачтётся тебе. Всё хорошее когда-то добром возвращается».

Авдейка задумался: «Тётонька Марья, вот вы с дедом Иваном добрые, а добро-то ваше где? Почему оно к вам не возвращается?». Улыбнулась Марья словам неразумным: «Ах, Авдеюшка, да разве счастье только в тех денежках, что накопил? Не всегда они людям в радость идут. Больше горя от них бывает. Может, люди забывают слова, что достались нам от родителей наших, а те получили их от своих прародителей. Помни, Авдей, слова мои: **не радуйся – нашёл, не тужи – потерял**».

Марья поджала губки, смотрела на сыночка пристально, словно хотела серьёзностью слов пробиться к нему в душу. Авдейка вдруг заговорил: «Ты почему присказку свою шиворот-навыворот говоришь? Ведь правильнее сказать: если нашёл – не радуйся, а потерял – не тужи, – но сам себя остановил, засмеялся весело: – Нет, пожалуй, так, как ты сказала, звучит как-то складно, сразу запомнить охота, в голове такие слова остаются навсегда. Вот я их сразу запомнил, и объяснение твоё мне понятно». Много раз Марьиная природная мудрость приходила Авдейке на выручку, он говорил в таких случаях: «Тётонька Марья сказывала». Уезжая

в Курган на учёбу, прощался со стариками. А сердце-вещун почему-то сжималось от печали. Он думал тогда, что прощаться всегда тяжело. Но не обмануло сердечко Авдеюшку. Последний раз видел он добрых своих стариков.

После отъезда Авдея Авдотьюшка каждое утро забегала в осиротевшее вдруг гнёздышко Ивана и Марьи. Ей и самой хотелось хоть на миг окунуться в тот мир, где ещё недавно жил Авдейка. Ей казалось, что старая изба хранит его дух, как присутствие самого хозяина, он был в вещах, которые Авдейка держал в руках, которые видел каждый день. Она уже знала, что нет лучше его на свете, и думала, что это только её тайна.

Однажды Марья усадила Авдотьюшку рядом, заговорила тихо, ласково: «Ты только сама за суженого заступись. Он ведь не посмеет у твоих родителей тебя попросить. Бедный он, оттого и несмелый. Будет убиваться, что не ровня тебе, дочери купеческой. Да и Митенька, брательник твой старший, его невзлюбил почто-то. Не в богатстве радость, голубонька моя. В семье без обоюдности нет тепла. Когда муж жену жалеет, то и она опора ему до скончания жизни. Помни, Авдотьюшка, слова мои. А что Авдеюшка тебе судьбой назначен – не сомневайся, я уж это давно увидела и душой приняла. Да и ты сохнешь о нём. А он добрый и верный».

Авдотья только крепче прижалась к Марьиному плечу, радостно стало и легко, словно разделила ношу свою со старой и мудрой женщиной. После этого разговора Авдотья ещё чаще стала заходить к старикам.

Иван уже не работал, ходил в валенках зимой и летом. В бане сидел на нижней ступеньке полка, сунув ноги в лохань с тёплой водой. Да и Марья ещё справлялась с курятником, но по дому Серафиме помощницей была слабой. Однажды утром, выбежав во двор, Авдотка не увидела дыма из трубы старой избы. Она распахнула дверь – потянуло угаром.

Видно, рановато закрыла Марья вьюшку. Может, не увидела синеватого огонька над углями, может, навалилась усталость от немоги и одиночества, и не учуяли старики, как заполняет избу смертельный газ, что тяжело подымался от пола, будто понимал, что выпущенный на волю беспечностью или недоглядом людей, совершает злое дело.

Иван и Марья лежали рядышком, словно уснули и никак не могли проснуться, и никто не догадается или не смеет их разбудить. Это о них сказано: жили долго и в согласии и умерли в один день.

Их похоронили рядышком, поставили по кресту в ногах и огородили одной оградкой. Авдею написала Авдотья о случившемся, она горевала ещё и о том, что единственная, как ей казалось, свидетельница её сердечной тайны ушла от неё. Ходила на могилку к старикам.

Авдея, конечно, сильно огорчило это несчастье. Но у его приёмных родителей была хоть могилка, а его бабушку Матрёну и маменьку Дуню зарыли где-то в общей могиле, как хоронили после эпидемии. Да и отец лежал на кладбище деревни Гордеевки, в которую так и не воротится жизнь, и за кладбищем практически некому ухаживать. Порастёт оно от этого скоро травой-бурьяном да молодым лесом.

Дома из Гордеевки, которые ещё были пригодны для хозяйства, развезут ближние и дальние родственники. Место, где стояла деревенька, распашут, унавоженное людьми обиталище долго будет давать хорошие урожаи в память о тех, кто тут когда-то жил. Сгинет деревня, забудутся со временем и те, кто когда-то построил тут дома и дал ей название по фамилии первых её устроителей.

Лишь случайное упоминание вдруг воскреснет где-то тихим шёпотом, догадкой о былой жизни, загорит свеча в чьей-то памяти, беспокойная душа отдаст тепло своё будущему. Зачем? Кто знает, зачем мы приходим и уходим из мира, не всегда приветливого к нам, но с которым всегда трудно расставаться.

Насчёт того, что хранительница девичьей тайны была только Марья, Авдотка ошибалась. Тайна дочери уже давно была известна Серафиме, только она не торопила события, ждала, когда дочь сама не выдержит и признается. Серафиме нравился Авдей, и лучшего мужа для дочери она и не желала. Взятая замуж из деревни, она не задумывалась о выгодных партиях для дочери. Мать желала, чтобы доченька, её с Тимофеем радость ненаглядная, счастлива была.

Села однажды Сима рядом с дочерью, обняла за плечи, и поняли обе, о ком речь ведут: «Что такое богатство? Сегодня оно есть, а завтра может и не быть. А муж, за которого идёшь по велению сердца, – самое главное». Серафима не признавала слов «стерпится – слюбится». Она хоть и шла за Тимофея по воле родителей, но на смотринах ей жених приглянулся, да и потом она в нём не разочаровалась.

Авдотка хоть и не ожидала такого разговора с матерью, но на сердце отлегло. Тимофей так любил свою доченьку, что Авдотка не сомневалась – против её воли и желания тятенька не пойдёт, не станет ломать ей жизнь.

Искушение

Курган Авдею не понравился. Город, разбросанный частично вдоль Тобола, да и вширь кривыми грязными улицами, глядел на съехавшихся из разных городков парней неприветливо, подозрительно присматривался к ним, словно спрашивал: «За какой надобностью прибыли? Кто вас

звал сюда?». Прибывших разметили по квартирам, которые постоянно сдавались студентам. Авдейка поселился с тремя парнями в деревянном просторном доме, стоявшем на кирпичном фундаменте. Дом принадлежал вдове купца. Она сдавала полдома студентам. Для неё это было подспорьем, да и охранной грамотой. Муж погиб лет десять назад, не оставив вдове и детям большого наследства. Погиб купец во время пьяной драки в трактире, где кутил с девицами лёгкого поведения.

Трое со товарищей Авдея прибыли из Шумихи, Далматова и Катайска. Все встретились впервые, познакомились друг с другом, с городом. Учиться было интересно, но денег, что Авдею дал Тимофей Ирюпин, хватило заплатить за проживание.

С Матвеем и Игнатом Авдей нашёл общий язык, и они стали подрабатывать то на пристани, то в торговых рядах, разгружая баржи и подводы с купеческим товаром. Местные биндюжники не сразу, но приняли новичков в свои ряды, покуражились над парнями скорее для порядка – работы хватало всем.

А вот четвёртый, что приехал из Шумихи, Антон Сыромятин, к товарищам своим не примкнул, жил обособленно, часто уходил куда-то. На товарищей своих Антон смотрел юрким скользящим взглядом, словно прятал за ресницами что-то такое, что знать никому не положено. На откровенные разговоры не шёл. Если троица через пару дней знала друг о друге почти всё, то про Антона они знали только, откуда родом и что послан на учение богатой купчихой, у которой служил приказчиком.

Всё бы ничего, но однажды Матвей не нашёл на месте деньги, что только вчера заработал на пристани. Он отложил их на подарок сестрёнке к Рождеству. Антона дома не было. Ребята перевернули всё вверх дном – всё напрасно. Игнат глянул на фанерный сундучок Антона, перевёл взгляд на товарищей. Все задумались, шарить по чужим котомкам приучены не были. Постояли, почесали в затылках и, не сговариваясь, нагнулись над сундучком. Матвей, оправдываясь за всех, вздохнул: «Мы только поглядим, грех с души снимем. Мать говорила: кто украл – на том один грех, а у кого украли – на том сорок грехов, потому как думать может на многих, а это сорока грехам равнозначно».

В сундучке Антона Сыромятина лежали на самом дне Матвеевы деньги. Скверно. Нет хуже того, когда в небольшом коллективе, живущем хоть и временно, но одной семьей, вдруг обнаруживался нечистый на руку, а значит с червоточиной в душе. Нет хуже того, когда живущие под одной крышей должны остерегаться друг друга.

Сундучок закрыли и в тягостном молчании сели за стол. Вскоре пришёл Антон. Он был в приподнятом настроении, бубнил под нос модную песенку, но вдруг почувствовал что-то неладное: словно воздух загус-

тел, так молчаливы были те, что сидели за столом. Первым предстал перед Антоном Игнат, притянул за грудки, скомандовал: «В глаза смотри! Ну что, нечего сказать или язык проглотил? Понятно, о чём спрашиваю?». Парень всё понял, сник, пригнулся, словно ждал расправы. Игнат поднял было руку, но Матвей с Авдеем остановили товарища.

Авдей заговорил: «Ему этакое дело не впервой и битым, видно, бывал. Вишь, он заранее голову пытается уберечь, бок для битья подставил, реветь-скулить, стало быть, умеет. Сейчас сказку нам жалостную расскажет про то, как ему, сиротинушке, живётся тяжко, – повернулся к Антону, говорил без надрыва и грозы в голосе, но слова ложились хлестко: – Ты, случаем не калека, не инвалид? Почему мы за копейки свои спины под мешки с товаром подставляем?! Деньги Матюхе верни, а завтра пойдёшь с нами на пристань – скоро ярмарка, купцы товар свозят, с артельными договоримся, ещё одного примут. Да чтобы работал как надо. Надавать по шее успеем, если не поймёшь добра. Шея-то у тебя не хилая, потянет».

Игнат всё ещё гонял желваки по скулам, но успокоился, добавил к Авдеевым словам: «Не дай Бог, если замечу за тобой ещё что. Не погляжу ни на кого – сам накостыляю. Я бы на Мотькином месте всё же рыло-то тебе расквасил. Ладно, живи пока».

Вряд ли слова товарищей подействовали на Антошку благотворно, но деваться некуда, и он ходил со всеми вместе на подработку, хотя рвения и не проявлял. Видно было, что переживал чёрную полосу жизни. Такие не одумываются, считают, что за чёрной полосой непременно настанет светлая. Богатая вдова, около которой беспечно устроился альфонс, определила его приказчиком в большой модный магазин, где он в скором времени проворовался, был бит сотоварищами по работе.

Вдова дело замяла и до суда не довела. Ах, как нетрудно оказалось растопить сердце любвеобильной матроны. Она отправила Антошеньку на учёбу, пообещав место в дальнем богатом селе Чумляке, которое стояло на торговом тракте. Вдова владела там хлебными лабазами. Надо было, чтобы казус призабылся, а там и не вспомнят о нём. Она и сама собиралась перебраться в богатый, унаследованный от мужа дом в Чумляке. Село стояло на бойком торговом месте на слиянии речки Чумляк с Миассом.

Может, вдова мало денег дала? А может, таким, как Антошка, никогда много не бывает, а только и тут он хотел сытно и вольготно пристроиться. Но вдова, пустившая на постой парней, оказалась старой, а главное бедной. Две дочери вдовы тоже разочаровали шумихинского альфонса.

Старшая, по возрасту старая дева, преподавала в женской гимназии, была чопорна, застёгнута на все пуговицы; на призывный взгляд про-

фессионального обольстителя, устремлённый на неё скорее по привычке, ответила презрительной усмешкой. Вторая девица-бесприданница собиралась замуж за состоятельного, но отнюдь не богатого вдовца. Маменька и этому была несказанно рада, встречала будущего зятя тихой улыбкой, старательно не замечала, как тот снисходит до родства с бедной старухой.

Старшая дочь при появлении будущего родственника уходила к себе и, не скрывая своего презрения к маменькиным унижениям, выходила только к обеду, прямая, ещё более застёгнутая и безукоризненно причёсанная.

Итак, альфонс из Шумихи понял, что в этом доме ловить нечего, а жить хочется весело и бездумно, решил пощипать своих товарищей по совместному проживанию. Битый не так давно бок уже не саднил, совесть не взывала к памяти, потому как у таких совести не бывает.

Все четверо парней не были женаты и, не считая Антошки, большого опыта в общении с женщинами не имели. Созревшая плоть требовала выхода чувственного мужского начала. Юношеская чистота противилась осквернению откровенным грехопадением. Антон открыто насмеялся над парнями, над их нерешительностью.

Только Игнат молчаливо ерошил шевелюру, да поглаживал густеющую растительность на подбородке и под носом. Наблюдательный глаз мог бы заметить смятение юноши. Он и себе-то не давал воли помнить о таком. Когда ему не исполнилось ещё и шестнадцати, его приголубила молодая солдатка. На сенокос выезжали семьями, жили в балаганах.

Вот в тёплую, не остывшую от жаркого солнца ночь и нашла Игнатку молодуха. Терпкий дух увядающей травы дурманил голову. Он не успел опомниться, как влажные губы закрыли ему рот, жаркие женские руки притянули парнишку к себе. Игнатка и не понял, как всё случилось.

Он лежал на шелестящей пахучей траве, а женщина, гибкая, яростная в своих природных желаниях, тихо вздыхала рядом. Ей хотелось любви такой же горячей и откровенной, истосковавшееся по мужским ласкам тело не насытилось простым инстинктом ещё зелёного юнца, которого она только что лишила невинности.

Игнатку не напугал первый опыт, не испытал он и брезгливости к женскому откровенному бесстыдству, но и желания повторить безумие этой ночи не было. Наверное, не пришла пора почувствовать себя мужчиной, быть первым, а не вторым в любовной игре.

И вот теперь память возвращала ему тот если и не восторг то трепет плоти, испытанный в дурманную от увядающей травы сенокосную ночь. Звериное чутьё вернуло ему запах женщины-самки, и волнение прокатилось по телу жаром желания.

Игнатка стал невольным сообщником Антона. Деньги теперь у парней водились. Купили бутылку вина, выпили для куража и пошли погулять по городу. Не сговариваясь, без лишних слов вошли в заведение, где мужчины и юноши могли позволить себе потратиться на чувственные удовольствия.

Только выпитое вино приглушало чувство стыда и вины перед чистым взглядом Авдотки. Авдей и вино-то пил впервые. Было стыдно от того, что природный инстинкт оказался сильнее его разума, который противился, пытался остановить от шага недостойного. А главное, голубые Авдоткины глаза смотрели на парня укоризненно, затаённая грусть и обида готовы были пролиться слезой.

Он пытался отвернуться от видения, выпил ещё из рук девицы, готовой отправиться с ним в свой маленький номер. Рюмка в руке Авдея лопнула поранив руку. Он и не заметил, что яростно сжимает хрупкое стекло. Девица увела тупо улыбающегося юнца.

Всё произошло, как в бреду, на всю жизнь оставив в душе чувство вины перед единственной и ненаглядной Авдоткой. Видно, уж так устроен мир людей. Мужчина не может предстать перед любимой невинным юнцом, ему необходим опыт общения с женщиной. Каждый по-своему приобретает такой опыт и относится к нему тоже по-своему, но через это испытание прошло большинство мужчин.

Авдей, понимая, как недосыгаема его мечта о единственной дочери купца Тимофея Ирюпина, не мог и представить, что она, его Авдотьюшка, может принадлежать другому. Не было у него будущего без неё.

Доверие

Полтора года учёбы не прошли для Авдея даром. Он возмужал, карие глаза смотрели на мир с надеждой. Темные, ещё юношеские усы и мягкая вьющаяся бородка придавали лицу особую значимость. Ему только-только перевалило за двадцать.

Авдотка доживала свой шестнадцатый год. Природа не поскупилась и одарила девицу красотой, на первый взгляд, неброской, но сколько грации в движениях, как выразительны и спокойны её глаза. Пышный лён волос выбивался из косы, опускался прядками на чистый высокий лоб, обрамлял завитушками нежную девичью шейку, свисал колечками за ушки.

Никакая сила не могла сдержать природного кокетства расцветающей женской красоты. Даже просторный сарафан не мог скрыть созревающую грудь юной богини, самой природой предназначенной для искуше-